

Ильинская С.Г., к.полит.н., старший научный сотрудник сектора истории политической философии Института философии РАН, г. Москва

Социально-политические аспекты межкультурных и этнических конфликтов

Политико-философская категория «толерантность» становится всё более востребованной во всех сферах общественно-политической жизни. Мотив и термин терпимости организуют вокруг себя дискуссии в средствах массовой информации, высказывания правозащитников, размышления педагогов, выкладки социальных работников. Но знание о том, что «нужно быть терпимыми», не мешает росту экстремизма, как в российском обществе, так и во всём мире. На фоне увеличения культурно-просветительских программ по «внедрению установок толерантного сознания» активизируется деятельность террористических и ультраправых организаций.

Многих политиков и политологов сегодня все больше тревожит проблема всплеска русского фашизма. И решающую роль в этом процессе, с точки зрения автора, сыграли не только системные кризисы, характерные для общества, пережившего «травматическую» трансформацию, общее падение культурного и образовательного уровня, но и обильная символическая презентация меньшинств, дополненная в некоторых случаях маркерами социального благополучия представленных. Пытаясь бороться с ксенофобией с помощью нетерпимости же (неудобные точки зрения вычищаются из политических дискуссий как «разжигающие межнациональную рознь»), руководство страны игнорирует позицию статистически значимых сегментов населения, чем провоцирует латентный (а иногда и стихийный) фашизм. Такими запретами или призывами к толерантности нельзя подменить фактическое решение социально-политических проблем, ведь экстремизм, как правило, присущ именно тем слоям общества, которые не видят для себя перспектив и потому начинают поиск виновных.

Указанные проблемы тем серьезнее, что осмысливать и решать их приходится в контексте двуединого процесса глобализации и регионализации, преобразования всего мирового порядка. Диффузные процессы трудовой миграции изменили привычный мир, взорвали устоявшиеся в сознании представления об облике национального государства. Сегодня даже классические национальные государства (Франция, Германия и др.) всё более напоминают иммигрантские сообщества. Приезжающие гонимы, в основном, не политическими факторами, а экономической нуждой. Просто в глобальном мире человек живёт там, где находит работу. За внешне и культурно отличительными мигрантами принимающие сообщества признали право на отличие, но это право незаметно стало выполнять роль объяснительной модели при истолковании причин сегрегации или конфликтов между вновь прибывшими и автохтонным населением, социальные конфликты стали интерпретироваться в культурных категориях.

Классовая борьба

Иногда даже беглого взгляда на ситуацию достаточно для осознания того, что выдаваемое за конфликт культур на самом деле является конфликтом этноклассовым. Некоторые конфликты, в частности, между мусульманами и христианами в Европе, по инерции интерпретируемые как «межкультурные» или «межцивилизационные», на самом деле имеют экономическую природу.

Если обратиться к причинам, по которым мусульмане во Франции, Великобритании, Германии, Бельгии и других европейских странах публично акцентируют ныне свою конфессиональную принадлежность, то придется признать, что истоки такого поведения не ограничиваются сферой религиозной терпимости. В 1989-2003 годах мусульмане, главным образом во Франции, педалировали тему хиджаба (фактически – просто платка), ношение которого запрещено во французских школах, но попытки французского правительства представить эту проблему как общеконфессиональную (распространив запрет на ношение религиозных символов в государственных школах на иудеев и на христиан) не возымели успеха.

Французские власти, обеспокоенные целенаправленным культивированием этнорелигиозных особенностей в ущерб единому светскому обществу, не пошли на уступки экстремистам, выступающим под флагом веротерпимости. Доводы противной стороны, что «законы терпимости повелевают дать возможность каждому исповедовать свою религию и свои принципы так, как он считает нужным, притом не только в частной, но и в публичной жизни», противоречат французской конституции и закону 1905 г. об отделении церкви от государства. Откровенно говоря, они противоречат и классической концепции толерантности. Во всяком случае, если обратиться к «Письмам о веротерпимости» Джона Локка, то случай французских мусульман, скорее всего, относится к категории, когда группы «следует остерегаться», а при необходимости и подавлять ее. Погромы, инициированные во Франции выходцами из Африки в 2005-2006 годах, нельзя не признать такой необходимостью.

В то же время невозможно игнорировать тот факт, что за темой хиджаба и арабо-мусульманской идентичности скрывается экономический конфликт. В первые десятилетия после второй мировой войны, когда Франция переживала экономический подъем и остро нуждалась в дешевой рабочей силе, она охотно принимала алжирцев, тунисцев, марокканцев и других выходцев из французских колоний. А когда экономический бум закончился, безработица ударила в первую очередь по этим чужакам. Сами французы признают, что пришельцам сегодня почти невозможно повысить свой социальный статус. Отчасти это происходит вследствие неравенства стартовых возможностей, отчасти – из-за отсутствия стремлений. Поскольку идеология универсализма (базирующаяся не на традиции, а на различии заслуг), смешанная с расизмом, не предоставляет арабам приемлемого оправдания существующего неравенства, а лишь легитимирует их неравный статус, протест детей и внуков иммигрантов, чувствующих себя людьми второго сорта, часто обретает форму исламского экстремизма. В этой ситуации предоставление рьяным ревнителям ислама возможности перевести своих детей из государственных в платные частные школы не только является экономически недоступной большинству иммигрантов, но и понижает шансы их детей при поступлении в университет, а значит – укрепляет существующее неравенство.

Европейская толерантность как крайняя форма принятия сыграла злую шутку с иммигрантами, поскольку на начальном этапе им предлагался минимум (по европейским меркам) социальной помощи, а в дальнейшем практиковалось такое же отношение как к инсайдерам, основанное на признании заслуг. Конечно, стартовые возможности вновь прибывших были не равны, однако, у них отсутствовали и стимулы к конкурентной борьбе. Первому поколению иммигрантов ввиду отсутствия амбиций было вполне достаточно нового статуса и социального минимума. А вот у их потомков в связи с ростом потребительских запросов возникает протестное восприятие своего положения в обществе. Таким образом, источником проблем, породивших данный конфликт, становится не только принимающее сообщество, но и семьи иммигрантов, где вследствие традиционного воспитания не была привита "протестантская этика".

Борьба за символический капитал

Дональд Горовитц, чья книга «Этнические группы в ситуации конфликта» стала настольной книгой конфликтологов в последние два десятилетия, опровергает как чисто рационалистическую (сквозь призму материального интереса), так и узко ценностную (конфликт норм) интерпретацию группового конфликта. Первая не учитывает иррациональную сторону этого феномена, борьбу за символы престижа и легитимность положения в ущерб экономическому процветанию (за так называемый «символический капитал» - понятие, введённое социологом Пьером Бурдьё). Вторая упускает то, что сами по себе ценностные различия – не являются источником конфликта. Как экономикоцентричные, так и культурцентричные модели конфликта требуют критического переосмысления. Горовитц в целом не ставит под сомнение, что в основе конфликта лежит противоречие интересов, главное не сводить эти интересы к чисто материальным. Группы, участвующие в конфликте, борются за доступ к социальным ресурсам, будь то экономические, политические или культурно-символические. Они сражаются за статус, который может измеряться как в категориях экономического могущества и политического влияния, так и в категориях символического статуса.

Культура всегда была способом социальной дифференциации. Однако сегодня группы, формирующиеся вокруг знаков культурной идентичности, требуют от государства и его органов правового признания и предоставления им ресурсов для сохранения и защиты своих культурных особенностей. Борьба за признание ведётся ради последующего перераспределения, а степень культурных отличий нередко намеренно преувеличивается.

В странах Французской Африки, откуда главным образом прибывают иммигранты, мусульманство всегда носило умеренный характер. Для большей части населения этих стран ислам скорее традиция, чем вера. Практически никто из сегодняшних молодых иммигрантов во Франции не выполняет даже минимальных требований шариата. О религии они вспоминают в основном тогда, когда попадают в руки полиции, прекрасно понимая, что религиозная окраска сразу переводит их действия из разряда банального хулиганства в сферу борьбы за защиту прав человека.ⁱ

Тот Ислам, применительно к которому можно было бы обсуждать цивилизационную пропасть, предполагает иной образ жизни. А вот стилизация под Ислам – типично западная тенденция, следствие моды на экзотическую идентичность, этнографическое и религиозное мифотворчество. О том, что в событиях во Франции невозможно усмотреть какие бы то ни было признаки конфликта цивилизаций, достаточно красноречиво не раз заявляли сами погромщики, которые, будучи типичным продуктом западного общества безграничного потребления, так и не смогли выдвинуть иных политических требований, кроме требования о повышении социальных пособий. Заметим, никто из погромщиков не говорил о трудоустройстве. Они выразили желание иметь уровень жизни работающих французов, не прилагая к этому никаких усилий, в отличие от своих родителей, приехавших во Францию ради физического выживания и готовых на любую работу. Значительная часть мусульманской молодёжи отвергает свой статус второстепенных граждан, с которым мирились их родителиⁱⁱ, но для того, чтобы повысить этот статус, вовсе не стремится начать работать. Говоря о высокой безработице (в «проблемных кварталах» в целом – до 20%, а среди молодёжи этих кварталов – до 50-ти %) в молодёжной иммигрантской среде и об их ущемлённой арабской идентичности, европейские интеллектуалы только изобретали моральное оправдание для преступников. Молодые люди обеспечены жильём, а социальное пособие позволяет им нормально питаться. Желаящие

разбогатеть, по свидетельствам французской полиции, предпочитают такие занятия, как торговля наркотиками, кражи, грабежи и разбои.ⁱⁱⁱ

Культурологические изыскания интеллектуалов позволяют преступникам, апеллирующим к правам человека, переводить разговор из плоскости охраны законности и правопорядка в плоскость признания иного образа жизни. Однако, любая концепция прав немислима без такого элемента, как обязанности. И тот уровень благосостояния, благодаря которому европейский Запад стал привлекательным местом жительства, объясняется не только колониальным ограблением стран третьего мира, но и такими принципами западных обществ, как эгалитаризм и универсализм.

Сейла Бенхабиб собрала богатый эмпирический материал под рубрикой «Мультикультурная защита и уголовное право» о том, как аргумент культуры с выгодой эксплуатируется меньшинствами.^{iv} В странах с прецедентным уголовным правом на волне мультикультурализма большое распространение получил аргумент защиты «Меня заставила сделать это моя культура», благодаря которому происходит оправдание или смягчение приговоров для обвиняемых в самых жестоких преступлениях против личности. В процессе «культурной защиты» убийство может трактоваться как «смывание позора, который навлекла на подсудимого неверная жена», изнасилование – как традиционный способ выбора невесты. Надо ли говорить о том, что суды, пытаясь проявить справедливость (поставив действия обвиняемых в контекст соответствующей культуры), потворствуют преступникам, спекулирующим своей культурной идентичностью, умаляя при этом права жертвы.

Уважая чужое право наравне со своим собственным, не задаваясь вопросом о его качестве (а справедливо ли оно?) и о его отношении к европейской системе права, так называемый цивилизованный мир действует в ущерб себе и подрывает собственную систему справедливости. Этому аргументу г-на Дурново, сформулированному в полемике с В.С.Соловьёвым уже более ста лет.^v И мы полагаем, что сегодня есть все основания противопоставить его вульгарному пониманию мультикультурализма.

Сознательная этнизация политического

Под вывеской культурного конфликта довольно часто скрывается сознательная этнизация политического. Эксплуатация страхов, связанных с иммиграцией (мигрантофобии), является весьма эффективным инструментом завоевания голосов избирателей и позволила многим радикальным националистам в Западной Европе, ещё недавно влачившим маргинальное существование, переместиться с обочины политической жизни ближе к её правому центру.^{vi} Миф о естественных культурных противоречиях поддерживается благодаря демонизации облика мигрантов с помощью «охранной» дискурсивной стратегии СМИ. В этой стратегии высшей ценностью является порядок, установленный «хозяевами», «коренными» жителями. Несоблюдение «пришлыми» набора условностей, принятого среди «хозяев», рассматривается в такой стратегии как разрушение порядка и попытка установить свой. В данном случае государство (регион, город – для местных СМИ) – это НАШ, а не ОБЩИЙ дом, а жители делятся на «наших» и «ненаших». В публикациях названия и характеристики «пришлых» имеют негативные коннотации, подчёркиваются их отличия от «местных». Присутствие мигрантов на некоторой территории связывается с набором социальных, экономических, криминальных и тому подобных проблем. Акцентируется внимание на росте численности, агрессивном характере мигрантов, их стремлении улучшить своё благосостояние за счёт «коренного» населения. Всё это приводит к формированию «образа врага» и «комплекса жертвы», интерпретации социальных проблем в культурных категориях, нетерпимости к иному образу жизни.^{vii}

Причиной «межкультурного» конфликта между принимающим сообществом и мигрантами может становиться этническое разделение труда и высокая конкурентоспособность мигрантов благодаря корпоративным кредитным учреждениям и использованию дешёвой рабочей силы своей группы. Таким образом мигранты получают преимущество в определённых сферах и ухудшают перспективы работающих из коренного населения.^{viii} За счёт подобных преимуществ определённые занятия или виды торговли начинают восприниматься как монополия какой-то группы. Однако конфликт возникает только в том случае, если часть представителей меньшинства демонстрирует более высокий уровень жизни, чем принимающая сторона. Поэтому присутствие азербайджанцев на Московских рынках возмущает российских обывателей куда больше, чем французских – наличие торговцев китайского происхождения и целых китайских кварталов в центре Парижа.

Оптовая торговля продуктами питания (например, овощами и фруктами) в столице и других крупных городах в действительности представляет собой этнически-монополизированную и криминальную отрасль. Российскому фермеру из другого региона невозможно ввезти, например, в Москву и реализовать произведённую им продукцию. Когда социальная стратификация частично совпадает с этнической, возникает соблазн истолковать неравенство в этнических терминах, отождествить понятия «бедный» и «русский» и соответственно понятия «богатый» и «нерусский». Политтехнологи, которые догадались объединить два устремления — одно к социальной справедливости, другое к этническому реваншу, — обеспечили в 2003 году на выборах в Государственную Думу блоку «Родина» легкое преодоление пятипроцентного барьера.

Поддержка этнонационализма вполне объяснима не только со стороны масс, но и со стороны элит. Лучше канализировать гнев социальных низов по безопасному «национальному» руслу, чем позволить ему сосредоточиться на правящем классе.^{ix}

Именно коррумпированная спайка власти и собственности больше всех заинтересована в том, чтобы трудовая миграция оставалась нелегальной, поскольку это позволяет минимизировать издержки производства. Обратимся для примера к строительной отрасли. Средняя стоимость одного квадратного метра жилья в Москве превышает 4800 долларов. Хотя работают в этой сфере, в основном, гастарбайтеры, чей труд оценивается крайне низко. Нелегалы, приносящие своим хозяевам колоссальную сверхприбыль, являются источником доходов и для большого количества чиновников и сотрудников ВД, торгующих разрешительной документацией. С монолитными этническими диаспорами, находящимися на полуполюгальном положении, крайне просто достигнуть любых договорённостей: от организации полукриминального бизнеса до обеспечения явки зарегистрированных мигрантов на избирательный участок и голосования за «нужного» кандидата на муниципальных выборах. Поэтому когда партия «Родина» в ходе избирательной кампании в Мосгордуму в 2005 году стала педальировать уже антимигрантские лозунги, её список сняли с регистрации за «разжигание межнациональной розни».^x По иронии судьбы негодные точки зрения «вычищаются» из политической дискуссии на основании их нетерпимости. Однако когда в обществе сильны подобные настроения (а предварительные соцопросы в ноябре 2005 года свидетельствовали о весьма высоком рейтинге «Родины»), изъятие из парламентских дискуссий «запретных тем», скорее всего, будет выливаться в банальную ксенофобию.

Заключение

Взгляд на терпимость через призму политико-социального даёт в руки политолога эффективный аналитический инструментарий для разграничения в массе

так называемых «культурных конфликтов» различных типов социальных проблем, что позволяет избегать некорректных сравнений, неправомерных обобщений и выявлять политические спекуляции.

Так, после погромов в ноябре 2005 года, учинённых во Франции потомками иммигрантов – выходцев из арабских стран, в российском политическом пространстве актуализировались рассуждения как о жёстком контроле иммиграции, так и о просветительских программах, способствующих укреплению терпимости. При этом аналогию проводили между гражданами – получателями социальных пособий во Франции и находящимися вне правового поля нелегальными трудовыми мигрантами в России.

Аналитические выкладки, приведённые в докладе, позволяют увидеть как существенные различия между французским и российским сценарием развития событий, так и то, что разговорами о терпимости нередко маскируется уклонение от принятия мер по заключению миграционного процесса в рамки правового поля, обусловленное нежеланием лишиться прибылей от рабского труда. Нагнетание мигрантофобий в данном контексте тоже предстаёт политической спекуляцией, поскольку сохранение существующего положения дел чревато отнюдь не переносом «французского сценария» на российскую почву, а эскалацией русского шовинизма.

Для того чтобы не воспитать поколение погромщиков, которое, не имея желаний работать, будет вымещать собственную социальную неполноценность на тех, кого сможет выделить по фенотипическим признакам в категорию «Других», на тех, кто «лишил их работы», российским властям сегодня нужно заниматься не столько просветительскими программами, сколько трудоустройством отнюдь не иностранной рабочей силы (решая социально-экономические проблемы сопредельных государств), но безработной российской молодёжи в регионах, в том числе и в форме привлечения на работу в столицу с предоставлением общежитий и соблюдением трудового законодательства РФ.

ⁱ Ворожцов Е. Меняться и менять// Россия в глобальной политике. Т.3 №6, ноябрь – декабрь 2005г. С.121.

ⁱⁱ Лейкен Р. Разгневанные мусульмане Европы// Россия в глобальной политике. Т.3 №6, ноябрь – декабрь 2005г. С. 93.

ⁱⁱⁱ Ворожцов Е. Меняться и менять// Россия в глобальной политике. Т.3 №6, ноябрь – декабрь 2005г. С.120.

^{iv} Бенхабиб С. Притязания культуры. С. 103-107.

^v Тихомиров Л. К вопросу о терпимости: <http://www.philosophy.ru/library/vehi/terpimost.htm>

^{vi} Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. С. 302

^{vii} Карпенко О. Языковые игры с «гостями с юга»: «кавказцы» в российской демократической прессе 1997-1999 гг.// Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. Сб. под ред. В.С.Малахова и В.А.Тишкова. М., 2002. С. 173, 175-181, 191.

^{viii} Горовитц Д. Теория межэтнического конфликта// Этнос и политика: хрестоматия, автор-состав. А.А. Прусаускас. М.: УРАО, 2000. С. 224.

^{ix} Малахов В. Нациестроительство и его прорабы/ Политический журнал:

<http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=67&tek=2270&issue=67>

^x Кынев А. Выборы Московской Городской Думы 4 декабря 2005 года: апофеоз имитационных выборов. http://igpi.ru/info/people/kynev/kynev-moskovskie_vybory_2005.htm